

ЧТО ЗНАЧИТ ВОЗЛЮБИТЬ БОГА ВСЕЮ МЫСЛЮЮ?

На вопросы «открытых встреч» отвечает свящ. Георгий Кочетков

— Насколько актуальны в Новом Завете ветхозаветные заповеди, например, «не пожелай осла ближнего своего»? Это ведь евреи такой народ — им надо всё конкретно, а нам можно просто сказать: «не завидуй».

О. Георгий: Вы задаете сразу два разных вопроса. Один из них — можно ли в наше время на современном языке человеку любой национальности (еврею, не еврею — это неважно) говорить просто: «не завидуй», или ему лучше сказать поконкретнее: «не желай ни того, ни другого, ни третьего»? Второй — насколько актуальны ветхозаветные заповеди для Нового Завета.

Начнём с первого вопроса, простого. Опыт показывает, что современный человек вообще тугоух — значительно в большей степени, чем древний человек. И когда ему говорят: «не завидуй», — это совсем не значит, что он перестанет завидовать, когда ему говорят: «не пожелай», — это не значит, что он перестанет желать. В этом смысле мы чаще всего уступаем и древним евреям, и вообще древним людям. Хорошо бы автор этого вопроса попробовал поэкспериментировать на себе, проверить — как для себя, так и для других — преимущества одного и другого метода. Я не уверен в том, что можно что-то менять в слове Божьем. Конечно, древняя форма существует как древняя форма, она может быть не всегда приятна для современного уха, однако человеку нужно десять раз сказать «не пожелай» и десять раз сказать «не позавидуй» — и тогда, может быть, он хотя бы прислушается.

Говоря о втором вопросе — об актуальности ветхозаветных заповедей — нужно уточнить, о какой из них мы собираемся говорить. Заповедь «не завидуй», я думаю, очень актуальна для современных людей. «Не пожелай чужого» и «не кради» — тоже. Посмотрите вокруг себя, и вам сразу станет ясно — актуально это или неактуально. Конечно, есть заповеди (может быть, приведенный пример не самый в этом отношении лучший) действительно устаревшие — если не вообще для любого человека, то для христианина, который имеет больше сил, больше опыта, как исторического, так и общекультурного, духовного, и не нуждается в целом ряде предписаний о ритуальной чистоте и т.д.

Пророк Моисей. Архимандрит Зинон, 1992

Нужно помнить и о том, что с переменой заветов изменилось само отношение к заповедям. Ветхозаветные заповеди требуют от человека высокой этической планки, а новозаветные Писания требуют прежде всего полной отдачи сердца Богу (впрочем, этого хотел и Ветхий Завет, замечу вам в скобках). А самое глав-

ное, Новый Завет знает не только то, как можно жить по-божески, живя ещё на земле, но и какой силой это можно делать. Новый завет прямо и откровенно говорит, что делать это возможно лишь силой Христовой — уже без посредников, потому что нет посредников между человеком и Богом тогда, когда объединил их Христос. В Ветхом Завете посредником был Закон, а он не даёт человеку много сил. Люди говорят одно, но часто вынуждены делать другое. Хотя, конечно, общественное мнение, умение держать себя в руках, умение собирать свою волю останется актуальным для всех, пока существует этот мир.

— Что значит возлюбить Бога всей мыслью? Богомыслие действительно имело значение в Ветхом завете, ему уделяли специальное время?

О. Георгий: В этих словах Писания мысль понимается как часть души человека. «Всей душой, всеми мыслями своими возлюби Бога», — значит, думай о Боге, вспоминай о Боге, призывай Бога не только в самом сердце своём, но и когда сердце твоё, может быть, молчит или приглушено. Тогда и душой своей, и умом не забывай о Боге, и даже всей крепостью, всей физической силой своей — прославляй Бога, помни о Боге, люби Бога. Древние евреи, конечно, имели время для богомыслия, для размышления о Законе Господнем, о заповедях, о священной истории своей веры и своего народа. Новый Завет в этом смысле мало чем отличается от Ветхого. Христиане тоже всегда уделяли много времени тому, чтобы размышлять о Боге. Так что мы должны думать о том, как выделять это время. Не случайно для христиан, особенно начинающих, до сих пор актуальна заповедь о дне субботнем — дне, когда есть время для Бога. Что бы человек ни делал, как бы он ни был занят, как бы он себя ни чувствовал, за исключением самых чрезвычайных обстоятельств, которые бывают очень редко, нужно хотя бы один день в неделю посвящать Богу: и богомыслию, и исполнению заповедей, и изучению Слова Божьего, ну, а для христиан ещё и общению в любви и вере, так же как и единению между душой, телом и духом своим.

8 февраля, в день памяти новомучеников и исповедников Российских, в одной из общин Преображенского содружества прошла встреча, где о теме гонений говорили в связи с жизнью своих семей, родных и близких. Мысль о такой встрече родилась после поездки в мемориальный комплекс «Медное». Хотя собравшихся было немного, всего 12 человек, оказалось, что среди них — потомки трех священников, отказавшихся в 30-е годы оставить свое служение (хотя каждому из них это так или иначе предлагалось) и вскоре погибших (расстрелянных, умерших в тюрьме, в лагерях). Кто-то узнал об этом совсем недавно — в семье боялись даже говорить о репрессиях... О судьбе своих родных не только рассказывали, но и читали сохранившиеся письма и другие документы. Мы публикуем сегодня один из таких документов — фрагмент из дневника. Автор дневника — Нина Сергеевна Покровская (в те годы — человек неверующий и нецерковный) — вела его с 20-х по 60-е годы. Во встрече участвовали ее дочь, внучка и правнучка.

29.08.32

Медленно и грустно болеет Котик. Колит. По вечерам Костя носит его на руках. Котик совсем похудел и побледнел. Душа тревожится. Носит на руках и старается развлечь малыша и дядя Ваня. Он так часто приходит, принимает такое горячее участие в нашей жизни!

Дети любят его. Котик называет его «Дюваня». И грусть, и смех вызывают у всех «какальные скандалы». Котик очень любит сладкое. Но сахару дают по карточкам так мало, что, получив его, мы пьем чай с сахаром день или два, а потом оставляем весь сахар детям и выдаём им по кусочку к чаю. Шурик ещё как-то растягивает свой кусочек на стакан чая, а Котик в одно мгновение уничтожает его и начинает вопить: «Какалю! Какалю! Какалю!» Дядя Ваня придумал, как продлить удовольствие малыша. Он не даёт ему весь кусочек, а откалывает от него маленькие осколки и по одному даёт их Котику. И после каждой крошечки Котик обязательно требует: «Какалю! Какалю!» Так продолжается, а я тем временем успеваю напоить мальчика чаем с хлебом. Иногда, когда дома ничего нет, мы забираем обоих детей и идём к дяде Ване пить чай. Старик всегда бывает рад. Появляется самовар, хлеб, сало и даже варенье. Дядя Ваня с удовольствием поглядывает на жующих детей, намазывает им куски хлеба и, глядя на нас, произносит со своей доброй усмешкой: «Эх вы! Младенцы от Ирода избивенные!»

Я хочу немного написать об этом чудесном и удивительном человеке. В своё время до революции дядя

ДЯДЯ ВАНЯ

Из дневника
Нины Сергеевны Покровской

Ваня окончил Киевскую Духовную Академию и получил высшее богословское и философское образование. Был переведён из села Сенево Алексинского уезда, где до Академии священствовал и жил с семьёй, в Тулу и не знаю, какое положение занял бы он со временем, но революция всё изменила. Однако он не ушёл из церкви и остался простым скромным священником в кладбищенской церкви.

Дядя Ваня крестит ребятшек, венчает вступающих в брак, отпевает умерших, исповедует и причащает старух и стариков и благословляет всех, нуждающихся в этом благословлении.

Идёт по улице к кладбищу, высокий, статный, в чёрной до земли рясе, с серебряными, густыми, волнистыми волосами, подстриженными, как у Тургенева, с небольшой бородкой и небольшими усами. Идёт такой спокойный, полный личного достоинства и доброты.

Когда он надевает гражданскую одежду — чёрные брюки, глухую куртку и мягкую фетровую шляпу, он особенно напоминает Тургенева. Только гражданскую одежду он в Туле не носит. Он надевает её, отправляясь на день, на два в Москву. И это случается раз в год и даже реже. Он не хочет «компрометировать» своих дочерей, скрывающих, что их отец священник.

Только Костя не стесняется своего отца, которого очень любит.

...Когда дядя Ваня приходит к нам, он всегда подходит к несчастной старухе, что ещё живёт в проходной комнате и неизменно благословляет её и ласково спрашивает:

— Ну, как, Егоровна, скрипишь? Как живёшь?

— Да уж, батюшка, живу, живу, — шамкает старуха умильно и благодарно, сквозь слёзы глядя на него.

— Ничего, Егоровна, Бог милостив, — говорит он, — вот я тебе хлебца принёс, а Ниночка тебе супцу нальёт. Она тебя не оставит, убогую.

Я всё больше и больше уважаю и люблю дядю Ваню и печалюсь тем, что он лишён хлебной и продовольственной карточки и называется «лишенец». Он покупает на рынке каждый кусочек хлеба.

На все мои сомнения в отношении профессии священника, такой несовместимой с нашим строем, дядя Ваня не раз мне говорил: «Ну, что ты беспокоишься? Я не подвергаюсь никакой опасности. С земного шара не столкнут».

7.01.33

Вчера вечером пришёл дядя Ваня. Костя был на курсах. Дети гуляли с Ганей, и даже старухи не было дома. Я, как все последние вечера, уныло сидела у печки и, глядя на горящие дрова, курила. «Уехать в Шёкино! Уехать! Освободить его! — думала я. — Я одна во всём виновата».

И в это время тихо открылась дверь, и вошёл дядя Ваня. Он разделся. Вытер платком усы и бороду и, подвинув к печке табуретку, сел рядом со мной.

— Что с тобой, Ниночка, дорогая? — спросил он, — что-нибудь случилось?

Я не выдержала и стала плакать и рассказала ему, что я так несчастлива, что мы с Костей ссоримся, что он, повидимому, меня не любит, и я не знаю, что и делать.

Он слушал молча и внимательно, и лицо его было грустным. Потом, когда я успокоилась, заговорил он.

— Знаешь, что я тебе скажу, всё, что ты наговорила, всё, о чём ты напрасно плачешь и горюешь — всё это пустое. Ты всё преувеличиваешь. Ты, бедная, устала. И ты не можешь, да и не хочешь понять, что ничего, ничего не случилось. В жизни никогда не бывает непрерывной цепи безоблачных дней. Все мы живые люди с нервами, с усталостью, с привычками не только хорошими, но и дурными. Если мы хотим устойчивого счастья, то нужно думать не только о себе, возиться не только со своими чувствами, обидами, но нужно думать и о других, и об их чувствах, и об их жизни.

...Дядя Ваня замолчал и мы долго сидели, каждый думая о своём. Так и застала нас Ганя, вернувшаяся с гуляния.

Потом пили чай. Жизнь пошла обычная. На душе у меня было спокойно и даже радостно. Слова дяди Вани произвели на меня большое впечатление.

Когда вернулся Костя, дядя Ваня уже не было. Дети и Ганя спали. Я так и была спокойна. Я встретила его ласково, как будто мы никогда не ссорились.

5.05.37

Ни о чём другом писать не могу. Утнетённость духа крайняя, и не только она, но и страх. За сегодня, за завтра, за детей, за Костю.

Продолжение на с. 2

Продолжение. Начало на с.1

Письмо из Москвы от Костиных сестёр. Арестован в Туле Александр Николаевич Ильинский. Наталия Ивановна в Москве всюду бегает, хлопочет. Пытается узнать, где муж, за что взят, и ничего не может добиться. Ответ один: «Забудьте о нём!» Что значит забудьте? Как же это так? Что-то во всём этом страшное. Выходит, что мы живём среди врагов? Выходит, что нельзя верить ни одному человеку? Тогда как же жить и работать?

Праздники прошли незаметно. Никто ни у кого не был. Не до того. Внезапно уехала, не сказав никому ни слова, Капитолина Викторовна Булавина. Лидия Павловна объяснила, что где-то там, на юге, арестован её старший сын, Виктор. Крупный военный. Лидия Павловна по просьбе Капитолины Викторовны просила никому не говорить об этом.

Уехали Смирнины. Уехали Алфимовы. Завод по-прежнему работает во всю мощь, и все мы работаем, но живём как-то странно.

И я, и Костя обеспокоены судьбой дяди Вани. Решили, что Костя берёт отпуск, едет в Тулу и уговорит дядю Ваню переехать к нам. Пусть живёт с нами. Снимет свою ясию и будет жить. Старик и старик. Живёт у сына и всё тут. Здесь его никто не знает. Костя выедет в ближайшие дни. Позже начнётся стройка. Тогда уж не выедешь. Мне сейчас что-то о доме и думать не хочется.

10.05.37

Костя уехал в Тулу. Мы одни уже третий день. Сижу с ребятами. Ничто не радует. Тоска без Кости. Кому слово скажешь? Скорей бы они с дядей Ваней приехали!

Тоска увеличивается тем, что на работу иду с тревогой. За прошедшую ночь арестовали заместителя Киреева Василькова и обоих Вакуленко. Муж и жена Вакуленко всего полгода назад приехали в Магнитку, оба молодые, весёлые. Работали у нас в отделе. Одновременно забрали и их маленькую девочку и увезли куда-то.

25.05.37

Приехал Костя вчера утром. Я так опечалена тем, что он не привёз дядю Ваню. Даже радость встречи с ним омрачена.

Ах, Костя, Костя! Первый раз я осудила его в душе за нерешительность. Он должен был сделать всё, вплоть до насилия. Должен был стукнуть кулаком по столу и при любых условиях забрать отца. Но ничего тут сделать нельзя. Можно желать только одного теперь, чтобы всё осталось так, как есть.

25.07.39

Симоновы подали жалобы всюду, куда возможно, по поводу несправедливого ареста дяди Вани. И, конечно, не получили никаких ответов. Но это, как ни страшно, общее явление. Делами «репрессированных», как теперь говорят, никто не занимается, а если и занимается, то об этом никому не известно. Однако у Симоновых в этом вопросе даже несколько лучше, чем у других. Они хоть

Н.С. Покровская со старшим сыном. 30-е гг.

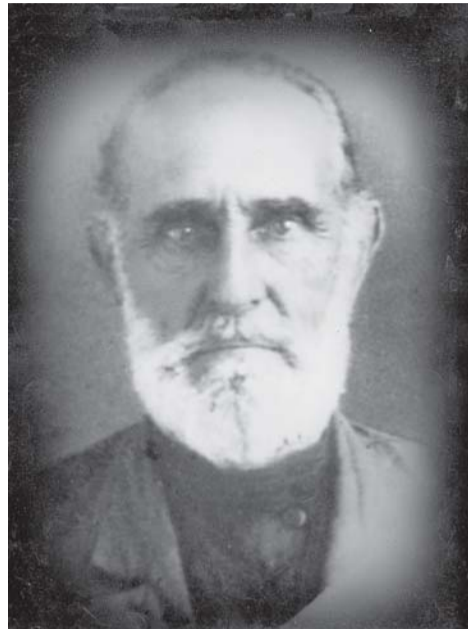
узнали, в каком лагере заключён дядя Ваня, и надеются на скорое разрешение свидания.

5.04.41

Под городом Калугой есть станция «Тихонова Пустынь». Недалеко от этой станции находится лагерь заключённых. В этом лагере заперт на замок дядя Ваня, осуждённый на 10 лет за то, что он, Иван Петрович Покровский, является Иваном Петровичем Покровским.

Когда передо мной возникает необходимость описать такое событие, как свидание с дядей Ваней, я чувствую и понимаю, что здесь недостаточно назвать адрес, даты, часы, внешний вид человека, изложить содержание разговора и всё. Хочется передать и настроение, и внутренний смысл произошедшего, и все неуло-

ДЯДЯ ВАНЯ

вимые душевные движения, и обстановку, и всё, что хватается за душу и остаётся в памяти навсегда.

Но что поделаешь? Приходится писать, как умею. А писать нужно! Не писать нельзя. Нельзя, чтобы такие люди, как дядя Ваня, уходили в прошлое без следа, как придорожная пыль, как засохшая трава.

У тёти Ани был пропуск на свидание, и по этому пропуску можно было пройти двоим. Тётя Аня ехала не первый раз и поэтому знала и как ехать и все порядки.

И, собрав целую корзину продуктов, причём я старалась покупать всё самое лучшее, самое дорогое и вкусное, фрукты, икру, ветчину, мы рано утром пустились в путь. Погода стояла нелёгкая. Такая, как иногда бывает ранней весной. То вдруг сверкало солнце и казалось, что весна вступила в свои права, то набегал порыв ветра, сразу, откуда ни возьмись, появлялись тёмные облака и на землю извергался поток дождя и снега, а затем опять сияло солнце, и вновь ветер, снег, дождь и мрак, и снова солнце.

Мы доехали до Тихоновой Пустыни, а дальше пошли пешком, то отогреваемые весенним солнышком, то подгоняемые снежным, мокрым вихрем.

По этой дороге, мимо какой-то деревни, через куртаники, холмы и овраги, мы шли не одни. С нами много людей с корзинками, сумками и узелками. Просто одетые, замкнутые, сумрачные, они шли туда же, куда и мы и с той же целью. Ведь был день свидания, что бывает один раз за много месяцев.

Тётя Аня, маленькая и суетливая, повисла на моей руке и всю дорогу что-то говорила о «папочке», о Тамаре, о внуках, о нас с Костей. Я не запомнила её рассказов, мало вслушивалась в них. О чём я думала, я тоже не знаю. Душа была в тисках, смятённая предстоящей встречей.

И, наконец, мы пришли и остановились на холме. Там уже собралось много людей. Они стояли кучей и ждали, переминаясь с ноги на ногу, все исхлётанные дождём и ветром и не успевающие обогреться под короткими вспышками солнышка.

Люди были сумрачны, говорили друг с другом тихо, и главными словами были: «Скоро пустят? Не пускают! Когда начнут пускать?»

Внизу, под холмом, метрах в двухстах, был виден лагерь заключённых. Не очень большое квадратное пространство, обнесённое стеной и поверху стены оплетённое колючей проволокой. Большие, глухие ворота. По всем четырём углам башни, на башнях часовые с винтовками, у ворот часовые с винтовками.

Отсюда, с холма, лагерь просматривался весь сверху, и были видны несколько рядов серых, тёмных от времени, деревянных одноэтажных барачков. В лагере было тихо. Не замечалось никакого движения, и фигуры часовых казались неживыми. Ни звука, ни дымка, как будто бы за этими строгими, глухими стенами никого и не было.

Никто из собравшихся на холме людей не пытался спуститься с холма, приблизиться к стенам. Стояли, ждали. И сколько раз за эти часы ожидания набегали тучи, и лил дождь и закручивался снег. Но никого не пугал ни дождь, ни снег. Переминаясь, тихо переговариваясь, ждали, и всё смотрели туда, на лагерь, где у каждого находился кто-то близкий. Смотрели туда и я, и тётя Аня. Тётя Аня всхлипывала, потихоньку плакала.

Я не могла оторвать взгляда от тёмных барачков, от пустынного, замершего лагерь, от башен с часовыми, от ворот.

Мне всё казалось, вдруг я увижу его, вдруг он сейчас пройдёт там, и не могла до конца представить себе, что дядя Ваня там.

Между тем тётя Аня показала мне деревянную пристройку снаружи лагерной стены. Даже не пристройку, а отгороженное высоким деревянным забором небольшое местечко. «Вот там и бываю свидания, — шептала она, — в этот дворик есть ход из лагеря, а в лагерь не пускают».

Я не знаю, сколько времени прошло в ожидании, может два часа, может три. Но, наконец, из проходной будки показались трое военных. Они поднялись на холм, где все мы ждали, не торопясь, стали рассматривать

пропуска и отставлять в сторону первую партию людей, допущенных к свиданию. Отобрали человек 20, в том числе меня и тётю Аню. 20 человек! «Да в этот закуток и 10 не войдут», — подумала я, но промолчала.

И под завистливые взгляды оставшихся на холме продрогших людей, мы, 20 человек, в основном женщин, стали спускаться с холма в окружении трёх военных. Один из них говорил по дороге: «Предупреждаю, никаких разговоров, кроме домашних дел! Никаких слёз! Свидание 20 минут! Кто нарушит, будет лишён свидания! Никаких денежных передач, никаких передач документов, писем, записок! Никаких передач инструментов! Ничего режущего, колющего! Ничего спиртного! И никаких вопросов к заключённым! Ничего о политике!! Предупреждаю! Кто нарушит, будет лишён свидания! Навсегда!»

Мы подошли к калитке у дворика. У калитки двое охранников осмотрели содержание корзинок, сумок, беспощадно разрывая бумагу, раскрывая коробки и банки. Но все молчали. Ещё бы! А вдруг лишат свидания!

У нас ничего не отобрали. И мы вместе со всеми вошли. У меня так колотилось сердце, так ослабли ноги, что я еле двигалась.

«В основном уголовники, — шептала мне тётя Аня, — вот с кем сидит папочка, увидишь!»

Внутри закутка в четыре ряда были поставлены дощатые деревянные скамейки. Все, затаив дыхание, сели. Сели и мы у стенки, оставив между собой место.

И в это время открылась калиточка со стороны лагеря и, в сопровождении вооружённых часовых, вошли заключённые. Человек 17, 18. Все в одинаковых, убогих серокоричневых каких-то балахонах, все наголо стриженные, в разношёрстных, потрёпанных шапках.

Вокруг раздались восклицания, возгласы, говор. Я ничего не видела и не слышала, пока один из заключённых, высокий и сутулый, не остановился перед нами.

Ты ли это, родной мой дядя Ваня? Худой, землисто-серый! Он стоял и молчал, потому что не мог говорить. Губы его дрожали, и он никак не мог овладеть собой.

Овладеть собой не могла и я. Беззвучные слёзы всё текли и текли по моему лицу.

Но время шло. Драгоценные минуты истекали, и все мы понимали это. Тётя Аня, тоже заплаканная, усадила старика между нами.

— Ниночка, — прошептал он, наконец, овладев собой, — тебя ли вижу? Как я счастлив! Ты что же, в отпуск или совсем?

— Мы продали дом. Уехали из Магнитки, — стала рассказывать я.

— А как дети? Как Ванечка? — вдруг спросил он.

Тётя Аня раскрыла было рот*, но я перебила её и сказала:

— Ваня здоров, совсем большой. На тебя похож! Такая же улыбка.

Дядя Ваня улыбнулся, просветлел.

— Хороший, говоришь, мальчик? А как Серёжа? — спросил он о папе.

— Папа читает лекции. Пишет новую книгу, — говорила я и улыбалась, — шлёт тебе поклон.

— Граждане! — заявил громко один из окружающих нас конвоиров, — осталось 10 минут, заканчивайте!

Мы стали вынимать из корзинок кульки и свёртки. Дядя Ваня рассовывал их по карманам, не глядя, а тётя Аня рассказывала ему в это время о дочках и внуках.

Я следила за часовыми и мяла в руке деньги. Все, что были у меня с собой. Немного, но всё же. Около ста рублей!

Улучив минуту, я быстро сунула их в руку дяди Вани. Он понял, взял их и наклонился, якобы завязать шнурок на ботинке, чтобы сунуть деньги в ботинок.

И когда он справлялся с ботинком, глухое, тяжёлое рыдание вырвалось из его груди и тут же замерло, подавленное. Ещё несколько фраз, так мало значимых, кто, да как здоров, да как живёт, в то время, как нужно было бы сказать так много. Обнадёжить, успокоить, обещать!

Сухие глаза часовых, бегающие по лицам. Шесть пар их ушей. И быстрое: «До свидания, скоро придём опять». «Всем кланяйтесь, целуйте!» И открытые калитки. «Выходите, выходите!»

И мы идём к холму, откуда уже спускается новая партия приехавших. Мы тихо шли к станции вместе с теми, кто вышел с нами.

— Сколько ты дала денег? — шептала тётя Аня, — Ах! Около ста! Зачем так много? Ну, дала бы десяточку! Всё равно отберут уголовники! Отберут! И продукты отберут! Ничего-то ему не достанется!

31.08.42

Пришло письмо от Тамары из Глазова. Первое письмо. Чтобы узнать наш адрес, она писала в Москву Ане Мочаловой, жене брата Вовы. Потом долго ждала её ответа. Поэтому и пишет о произошедших событиях с опозданием.

Умер дядя Ваня. Где, как и когда точно не известно. Будто бы при приближении немцев заключённые были отпущены из лагеря на все четыре стороны, и дядя Ваня добрался до Тулы. Прожил в Туле несколько месяцев у сирот Ильинских. Снова был арестован и в тюрьме умер.

С письмом в руках я ушла на пруд и долго сидела там одна, и вся окружающая картина казалась мне такой печальной. Всё время стояло передо мной милое лицо дяди Вани с неизменной скромной и чуть иронической улыбкой, и слышались его шуточные и добрые слова: «Эх вы, младенцы от Ирода избитые».

* Семья уехала из Магнитогорска после смерти маленького Вани. Врач отказалась выдать матери больничный, уверяя, что ничего серьёзного с ребёнком нет, и той пришлось пойти на работу (за прогул в то время грозил лагерь). К вечеру ребёнок скончался.